

Фамилия у неё была смешная, Катя Пеняз, наверное, украинская. Считалось, что я за ней ухаживаю. Мы учились в одной группе в институте, более эффектные сокурсницы достались более энергичным сокурсникам, я и Катя составили этакую клоунскую парочку, мальчик из общежития и девочка в очках, отличница и зануда, разумеется, коренная москвичка из интеллигентной семьи, папа большой учёный в области физики-химии, мама по административной линии в той же сфере, дочка проявила своеволие и поступила в историко-архивный институт.

Красавицей Катюшу нельзя было назвать при всём желании, но и дурнушкой тоже, нечто среднее, свежее, исключительно натуральное, чтобы в восемнадцать лет выглядеть плохо, это надо постараться или же быть безобразной или толстухой от природы. Самой замечательной частью Катюши на мой возлюбленный взгляд была жопа, тугая, крепкая, в меру широкая, я не раз представлял, как насаживаю эту тыковку на свой кол.

Дальше мечтаний, впрочем, дело не шло. Очевидно, что Катя была ещё девственницей, мой сексуальный опыт легко умещался в пальцах одной руки, наш роман проистекал в провожаниях барышни после учебы домой, очень изредка — в походах в кино. Возможно, Катя ждала напора с моей стороны, я, в свою очередь, надеялся на некий намёк, не происходило ни того, ни другого, даже банальных поцелуев в подъезде.

На летние каникулы мы разъехались в разные стороны, я — к родителям в Мончегорск, Катя под чутким присмотром мамы в Крым. В Москву я вернулся, исполненный твёрдой решимости поставить точки на I, выражаясь прямолинейно, вставить, наконец, в вожделенную точку. В случае отказа гордо объявить: «Мы не подходим друг другу», и увлечься кем-нибудь иной, например, Маринкой Сердюковой, жопа у Маринки была не такая знатная, зато невинность она потеряла давно и безвозвратно.

Технически для исполнения задуманного не было никаких возможностей. Грубым и беззастенчивым в сексе я был впервые, и это моё состояние очень мне нравилось. Я кончил и звонко шлепнул по заднице: «Хорошо тебе муж жопу разьебал». «Это не муж, — простонала Катина мама. — Я мужу в попу не даю». Утром Света порхала по квартире.

— Катя хочет переехать к бабушке на Кропоткинскую, — сказала она. — Чтобы быстрее в институт добираться. Муженёк мой вечно в командировках. У нас и секса давно нет. Если хочешь, можешь приезжать в гости. Ты мне очень понравился, — она поцеловала кончик хуя. — И он тоже.

— Почему нет, — ответил я и вдруг ляпнул неожиданно для самого себя. — А ты сможешь поддержать бедного студента?

— Смогу, — Света села на хуй. — Пятьдесят рублей в месяц тебя устроит?

Моя стипендия составляла тридцать семь. Я не считаю себя проституттом, никогда ничем подобным не занимался, но в данном случае никаких угрызений совести не испытал. Наверное, в глубине подсознания моего юного организма сидела простая мысль — с женщиной после сорока можно творить всё, что угодно.

— Устроит, — сказал я. — Но одно условие: я ебу тогда, когда я хочу, а не наоборот.

Света плавно двигалась на хуе: «Как прикажешь, мой повелитель!»

Сейчас, когда мне уже за пятьдесят и после этой истории прошло много лет, она кажется мне

предельно фантазмагоричной. Я считаю себя неглупым человеком и в молодости не был круглым дураком, наверное, тогда я должен был задуматься, что что-то здесь не то, что существует некая подоплека, почему женщина, которая годится мне в матери, с пол-оборота кинулась на хуй первого встречного студента и самозабвенно изображает покорную похотливую рабыню. Наверное, следовало задуматься, но в юные годы хуй часто бежит впереди головы, факт пошлый, но верный, и по-своему замечательный.

Катя, вернувшись с «картошки», переехала в квартиру бабушки на Кропоткинской, муж Светланы Николаевны не вылезал из бесконечных командировок, мы продолжили наши сексуальные бесчинства за оговорённое вознаграждение. Светунчик (так я называл её про себя) оказалась охоча на выдумки, довольно быстро мы освоили то, что сейчас называется ролевые игры. В моей памяти навсегда осталась сцена, в которой моя любовница в белых чулках и с повязанным на шее пионерском галстуке стоит в позе «прачки» перед зеркалом, декламируя неплохо поставленным голосом лермонтовского «Демона», а я ебу её в жопу. Это стихотворение она выбрала сама, вероятно, хотела польстить моему самолюбию, что ей вполне удалось. Женщина с опытом, Светунчик очень хорошо знала, как оставаться интересной мужчине.

Наш платонический роман с Катей я собирался прекратить, но всё та же неведомая сила, в существование которой трудно поверить, намекнула, что не надо этого делать. Я продолжил ухаживания, провожания до дома и нечастые походы в кино, на новогоднем вечере в институте мы наконец-то поцеловались. Жаль, не было ни одного укромного местечка, иначе бы я точно её трахнул. Наобнимавшись, Катя сообщила, что её ждут родители, и упорхнула. Я позвонил Светунчику и безапелляционно заявил, что хочу её выебать.

— Что ты? — ахнула Светунчик. — У меня муж дома, в кои-то веки. И Катю из института ждём.

— Ничего не знаю, — упёрся я. — Сейчас приеду.

— Жди в соседнем подъезде, — сказала Светунчик. — Через полчаса.

Я поймал «тачку» и как на крыльях долетел на Ломоносовский. В те славные времена никаких домофонов на входной двери не существовало, я вошёл в подъезд и плюхнулся на ступени. Было около одиннадцати вечера, все нормальные люди сидели в квартирах и готовились к встрече Нового Года. Через несколько минут появилась Светунчик.

— Ах ты, проказник! — затараторила она. — Я сказала, что забегу на минутку к соседке поздравить.

Она сдернула с себя трусы и села на меня: «Ужас, что мы вытворяем!»

Мы трахнулись, я привычно кончил ей в рот и попросил обязательно поцеловать дочь и мужа. Валил снег, из всех окон кричали новогодние поздравления, я возвращался пешком в общагу, денег на такси уже не было, и чувствовал себя героем дня. Или ночи.

Так сложилась устойчивая традиция: наши свидания с Катей заканчивались бурными поцелуями, после чего я ехал к её маме и ебал во все щели. Однажды, нацеловавшись, Катя предложила: «Зайдём ко мне? Бабушка уехала в санаторий на неделю».

— Ты знаешь, сегодня как раз не могу, — не очень ловко соврал я. — Я тут на работу устроился, ночным дворником. Нельзя опаздывать.

— Как скажешь, — обиженным тоном произнесла Катя и, не попрощавшись, пошла в квартиру.

Я улыбнулся, послал возлюбленной «воздушный поцелуй» и отправился к Светунчику, в эту

ночь она должна была надеть милицейскую форму, купленную по большому благу.

В этих играх время незаметно промчалось до июня. Я успешно сдал сессию, жизнь была хороша и приятна, в денежных вопросах Светунчик не была жадобой, тратил я экономно, так что на лето удалось скопить вполне кругленькую сумму. Месяца полтора в Крыму, прикидывал я, можно предложить совместную поездку какой-нибудь из наших блядешек, я наметил несколько однокурсниц, которые, по общему мужскому мнению, были не против прокатиться к морю за чужой счёт. Каникулы я заслужил, уверял я себя, Светунчик мне слегка осточертела, невзирая на все ролевые прибабасы.

Ночевал я у неё, мы выпили шампанского за удачно сданные экзамены, в преддверии перерыва я отдолбил тётеньку словно в первый раз.

— Я приготовила тебе подарок, — сказала Светунчик. — Моя давняя приятельница сдаёт на всё лето домик в Коктебеле. Я договорилась и оплатила, самолёт в Симферополь завтра вечером. Вот билет и деньги на карманные расходы, — она достала из прикроватной тумбочки десять пятидесятирублёвок. — Я буду недалеко, в дачном посёлке академии наук, там же, в Коктебеле. Мы с Катей вылетаем в субботу.

Меня перекривило в душе, но, как вы понимаете, от такого предложения не отказываются. Впрочем, когда через два дня я искупался в море, настроение резко улучшилось. Светунчик будет с дочкой, возможно, приедет на отдых непрерывно работающий муж, так что свободным временем моя пассия особо располагать не должна. Я провёл разведку, дачный посёлок академии был километрах в четырёх от домика, где я поселился, там было всё своё, собственный пляж, ко мне в гости по жаре не набегаешься. Очень хорошо, обрадовался я, не подкараулить ли по ходу дела целку-недотрогу и влупить знойной крымской ночью. Как получится, подумал я, моё вожделение к Кате давно перегорело и выветрилось.

Несколько дней прошли в полном блаженстве, я купался, загорал, объедался фруктами и шашлыками. На пляже было полно девчонок, свободных от мужского сопровождения, никуда не торопясь, я присматривался и выбирал, кому бы из них предложить почётную роль курортной подружки. Светунчик нагрязнула неожиданно, во время сладкой сиесты после выпитой бутылочки, у неё оказались свои ключи от домика.

Со словами «я соскучилась» она забралась в постель, пришлось проснуться и продемонстрировать высший пилотаж. Слава богу, тогда у меня с этим не было никаких проблем.

— Цыпу себе уже нашёл? — сказала Светунчик, когда мы прекратили гимнастические упражнения. — Ладно, я пошутила. Я не ревнивая, мой повелитель. Я не смогу приходить к тебе часто. Муж здесь, друзья собираются приехать, не дом, а какой-то светский салон. Поэтому, как получится.

— Ну что ж делать, — притворно огорчился я. — Жаль, конечно. Я, может, на экскурсии съезжу по Крыму. А то нигде не был.

— Обязательно, прокатись, в Крыму есть, что посмотреть, — одобрила Светунчик. — Ладно, я побежала. Не грусти, я постараюсь заглянуть дня через два.

«Чтобы гости не вылезали из твоего дома», — пожелал я, проводив глазами супругу большого учёного.

Солнце, воздух и вода только укрепили моё решение, принятое, когда я летел на самолёте из Москвы в Симферополь — со Светунчиком пора завязывать. Эти отношения стали тяготить меня, трудно объяснить словами, но было полное ощущение, что я нахожусь словно в вязкой

вате, Светунчик как-то ненавязчиво подчинила меня себе, это её «мой повелитель» звучало почти издевательски. Вот и сейчас, имея полную возможность закрутить роман с девчонкой-ровесницей, я этого не делал, лишь фантазировал. Между желанием и поступком образовалась пропасть, через которую я никак не мог перепрыгнуть. Пора вырываться из колдовского круга, повторил я собственному отражению в зеркале, за лето тебе заплатили, нужно честно отработать, а с осени — свободная жизнь, не пропаду, стипендия у меня нормальная, можно и на работу устроиться, в библиотеку или архив, я все же в историко-архивном учусь. Из мальчика, ненасытного в сексе, я превращался в мужчину, который предпочитает выбирать сам. И это превращение всё больше нравилось мне.

Была, наверное, середина июля, несусветная жара, я проснулся пораньше, искупался и отправился на рынок затариться продуктами. Отдых проистекал неспешно, я купался, загорал, читал книжки, добраться до которых в Москве не было ни времени, ни желания. Светунчик, как и предупредила, навещала меня нечасто и надолго не задерживалась.

«А ты как здесь очутился?» — услышал я знакомый голос. У овощной лавки стояла моя возлюбленная Катя. Нацеловавшись в пустой аудитории после окончания сессии, я сообщил ей, что на все лето поеду к родителям в Мончегорск.

— У отца оказалась знакомая в Коктебеле, — выпалил я первую пришедшую в голову мысль.

— Вот сдала домик за недорого.

— Здорово! Мог бы и написать, — сказала Катя.

— А куда писать, — парировал я. — Я же не знал, где ты будешь в Крыму.

— Давно приехал?

— Неделю назад.

— Чем занимаешься? — спросила Катя.

Мы целомудренно едим мороженое, запивая розовым вином, в ближайшей кафешке.

— Бездельничаю, книжки читаю.

— А по вечерам? — ехидно спросила Катя.

— Я рано ложусь спать, — нагло ответил я.

— А приходи вечером к нам, — предложила Катя. — Мы как раз с мамой вдвоём остались, все гости разъехались.

— Не знаю, удобно ли это, — затянул я нудную песню.

— Удобно, — перебила Катя. — Тем более что, ты с моей мамой знаком.

— Разве? — я сделал удивленное лицо.

— Прошлой осенью ты привозил к нам домой пакет с вещами. Забыл?

— А, ну да, — успокоившись, ответил я. — Я чего-то запамятовал.

— Приходи к восьми вечера, поужинаем, поболтаем. Адрес запомнишь?

Признаться, встреча с Катей застала меня врасплох. Если в отношении Светунчика я наметил конкретную и ясную перспективу, то роман с её дочкой несколько выпал из моих размышлений. Конечно, все последнее время я воспринимал Катю как возбуждающее средство для безудержной ебли со Светунчиком и был абсолютно убежден, что жена большого учёного не в курсе моих ухаживаний за дочкой. Любопытно, как себя поведет, не без доли злорадства думал я, срывая в общественной клумбе цветы для двух букетов, ещё не хватало деньги тратить на этих блядей.

Мама и дочь встретили, одетые в одинаковые, оранжевого цвета, платья, у Кати оно было чуть-чуть покороче. Светунчик вела себя безупречно, ни одним жестом не выказав удивления.

Мне показалось, что после ужина Катя захмелела, во всяком случае, глазки у нее странно блестели.

— Оставайся у нас ночевать, — предложила она. — Чего тебе в потемках к себе брести.

— Да-да, Серёжа, оставайтесь, — поддержала дочь Светлана Николаевна. — А завтра утром возьмём на пляже катамаран и отправимся на морскую прогулку. Без мужчины мы боимся. «Ну-ну! — подумал я. — Катамарана для полного счастья нам только и не хватало».

Меня разместили в гостевой комнате с большой кроватью, просто натуральный траходром. Я покурил, не торопясь, принял душ, и стал ожидать визита. Долго ждать не пришлось, голая Светунчик скользнула под одеяло и без лишних разговоров приступила к минету. Через некоторое время я перевернул её на спину и принялся долбить, меланхолично размышляя, что озабоченной тёлке собственная дочь не помеха.

Чьи-то пальцы коснулись моих яиц. Я обернулся. Голая Катя сидела на кровати и призывно улыбалась.

— Катеньку только в попку, — сказала Светунчик. — Мы бережём её невинность до свадьбы.

В общем, мама с дочкой выдали. Облизали меня с головы до пяток, мой хуй в катиной жопе был явно не первым. Осознание, что меня год водили за нос, как последнего чебурашку, взбесило меня, я ебал их с такой яростью, будто завтра мне отрежут гениталии.

Выпотрошенный как бык-производитель, я провалился в сон, Катя и Светунчик устроились по бокам.

Вот так и начались мои каторжные работы. На следующий день, чтобы избежать лишних разговоров в поселке академии наук, блядовое поёбище переместилось в мой домик в Коктебеле. Почти каждый вечер сладкая парочка заявлялась ко мне и начиналось. Табу не было никаких, за исключением одного — рвать целку Кате было категорически запрещено. «Она выйдет замуж девственницей, — повторяла Светунчик. — У её будущего мужа должна быть хоть какая-нибудь радость в жизни». Я послушно ставил Катю раком и драл в жопу, Светунчик вылизывала девственную пизду, потом они менялись местами. Если когда-нибудь в будущем придумают работа для ебли, им есть с кого брать пример. Удивительное дело, я их ненавидел, обеих, но хуй исправно поднимался по первому свистку, будто та самая неведомая сила, о которой уже упоминал, делала всё необходимое, не обращая внимания на моё настроение.

Был месяц август, вторая его половина, отпуск на море, превратившийся в каторгу, заканчивался, был тот редкий вечер, когда меня оставили в покое, семейку Пенязов наконец-то посетил муж и папа. Я сидел на теплом камне у самой кромки воды.

Размышления мои не отличались веселостью, мною полностью овладела апатия, насмешливо победившая надежду вырваться из мышеловки. «Зато буду деньги, — вяло думал я. — И с карьерой после института помогут. Хочешь жить кучеряво, терпи».

«Вас Сергей зовут?»

Передо мной стоял высокий лет сорока человек с умным интеллигентным лицом.

— Думаю, что я не ошибся, — сказал человек. — Я хочу с вами поговорить. Меня зовут Виктор Ильич Пеняз.

— Весь во внимании, — сказал я.

Пеняз устроился рядом на камне.

— Хотите выпить, — он достал из пакета плоскую бутылку коньяка.

— Почему нет, — сказал я.

— Стаканчиков нет, будем пить из горлышка по очереди. Не против?

— Не против, — сказал я.

— Тогда вы первый, — Пеняз протянул мне бутылку. — За знакомство!

— И вам не болеть, — я выпил и вернул бутылку. — Чем обязан?

— Я ведь знаю, о чем вы сейчас думаете, — сказал Пеняз, отхлебнув приличный глоток. — Что вы не понимаете, как вырваться из этой блядской мышеловки, многие бы обзавидовались, ебу маму и дочку, а мне остопиздело, я не кукла, просто есть некая неведомая сила, которая заставляет меня выполнять желания этих двух самок. И жизнь надо устраивать, как ещё одинокому провинциалу найти серьёзную поддержку в Москве. Не отвечайте пока ничего, я кратко расскажу вам историю про самого себя. Со Светой мы учились на одном курсе, такой божий одуванчик, зубрилка и целка, в те времена это вообще было нормально. Я ухаживал за ней, целомудренно, хотя, конечно, мечтал о большем. Осенью курс поехал на «картошку», в разгаре уборочных работ меня вызвали в деканат, Света попросила передать сумку с вещами маме — Ларисе Владимировне, в квартиру на Кропоткинской.

— Она открыла дверь в шёлковом китайском халате? — хрипло спросил я.

— Халат не помню, — сказал Пеняз. — Лариса Владимировна критически посмотрела на меня и предложила принять ванну. В те годы ванна в квартире была такая редкость. Я согласился, в ванне разнежился, задремал и очнулся от того, что голая Лора сидит на мне. Дальше понятно, что произошло.

— Катина бабушка? — спросил я.

— Да. Тогда ей было тридцать восемь, в этом году исполнилось восемьдесят. Её муж погиб на войне, она воспитывала дочь одна, в те послевоенные годы с мужчинами было плохо.

— Когда присоединилась Светунчик? — сказал я.

— Примерно через год. Как интересно, я тоже её так называю про себя. Лора предложила сделку: я женюсь на её дочери, она помогает делать карьеру в научно-исследовательском институте, где работала заместителем директора по политической работе. Одно условие: я сплю с ними обеими. Я согласился без возражений — я родом из маленького городка в Калужской области, а Москва так притягивает.

— Вы чувствовали эту неведомую силу, которая окутывает как сеть? — спросил я.

— Чувствовал и чувствую до сих пор, — ответил Пеняз. — Я ведь учёный-технар, естественно, атеист, ни в какую муть про магию и колдовство не верю. У меня был хороший приятель, специалист по электромагнитным полям, к прискорбию, погиб несколько лет назад в автомобильной катастрофе. Не вдаваясь в подробности, я попросил его провести всестороннее исследование моего организма на предмет каких-либо необычных волновых излучений. Результат ноль — никаких аномальных явлений приборы не зафиксировали.

— Тогда объясните мне, неучу, — крикнул я. — Что тогда происходит? Ваша дочь пошла по блядским стопам мамы и бабушки, Катя просто тащится от этой ебли, я же не слепой. И я умом понимаю, в какое болото залезаю, но ничего не могу поделать, меня будто по рукам-ногам повязали эти стервы.

— Это мой самый страшный грех, — сказал Пеняз. — Я продался в молодости, вот теперь и расплата, как обычно, там, где больнее всего. Меня едва инфаркт не хватил, когда я понял, что Светунчик затащила Катю в эти игры. Ей тогда было лет пятнадцать. Вы ведь не первый мальчик, которого они так используют. Я понимаю и ничего не могу изменить, эта самая сила

с каждым прожитым годом становится всё сильнее. Она подавила меня.

— Почему? — спросил я.

— Не знаю, — сказал Пеняз. — Когда-то, в первобытной юности человечества, был матриархат. Какие процессы в нём происходили, неизвестно. Возможно, в этих женщинах проснулись те древние инстинкты. Не знаю. Когда я начинаю думать об этом, мне кажется, что сойду с ума. Я оказался в этом круге, и уже не хочу и не могу вырваться. Я смотрю на свою дочь и не чувствую в ней родного человека. Я с головой ушёл в работу в институте, только это меня и спасает. Если у девочек на вас далеко идущие планы, вам тоже придется смириться и стать цирковой лошадкой. Выбора нет.

— Иди ты на хуй, старый мудака, — я разбил бутылку коньяка о камень. — Ебись сам со своими шлюхами.

Той же ночью я улетел в Москву. Явился в институт и написал заявление об отчислении. Декан был в шоке и честно пытался отговорить. «У меня личные обстоятельства», — бубнил я. «Возьми академический отпуск, — предложил декан. — Зачем шашкой рубить». «Нет, — я был непреклонен. — Хочу послужить в армии». «Ну, как знаешь, — декан нехотя подписал заявление. — Отслужишь, возвращайся, восстановим, я тебе гарантирую».

Я позвонил отцу на работу и сообщил о своём решении. Отец тяжело молчал в трубку.

— Так надо, батя, — сказал я. — Объясни всё маме, чтобы не волновалась.

— Тебе точно не нужна помощь? — спросил отец. — Возвращайся домой.

— Сам справлюсь, — сказал я. — Всё нормально.

В военкомате на меня посмотрели как на умалишённого, на всякий случай сделали запрос на предмет уголовного преследования и призвали, хотя официального приказа об очередном призыве ещё не было. Такой чудик в практике военного комиссара был впервые.

Я швырял лопатой снег на плацу перед штабом учебной части в Ногинске, когда меня вызвали к замполиту.

— Мама твоя приехала, — сказал замполит. — Ждёт в «красном уголке». Такая эффектная женщина. пожаловалась, что ты редко пишешь. стыдно, рядовой.

Я вошёл в комнату и остолбенел. На стуле под диаграммой боевого пути энской части сидела Светунчик.

— Ты идиот, — сказала она. — Нашёл кого слушать, старого пенька Пенязя.

И не дав опомниться, продолжила:

— Я договорилась о твоём переводе в Москву. Послужишь пока при штабе округа. Через полгода комиссуют по состоянию здоровья. Катя очень сильно обиделась, но, думаю, мы уговорим её выйти за тебя замуж.

— Чего ты молчишь, — сказала она. — Восстановишься в институте, получишь диплом, сейчас открываются хорошие возможности поехать на работу за границу. Или ты решил податься в прапорщики?

Она вздохнула:

— Хорошие мужики на дороге не валяются. А ты как раз то, что надо. Если для тебя это так принципиально, после свадьбы можешь со мной не спать.

Она поставила на стол две красивые коробки:

— Здесь разные лакомства. А то смотри, отощал ты на казённых харчах. Товарищей не забудь угостить.

Она посмотрела на меня в упор:

— От такого счастья не отказываются. Запомни, мой повелитель. Я зайду к тебе завтра. Наш замполит, майор Савостьянов, мужик был нормальный. Когда я рассказал ему всё как на духу, он только покачал головой: «С таким диагнозом, солдат, только в психушку».

— Других вариантов нет? — мрачно спросил я.

— Ко мне поступил запрос, — сказал замполит. — Вербуют добровольцев для выполнения интернационального долга в Анголе. Огнемётчики тоже требуются, так что это по твоей военной профессии. Но это, солдат, война, можешь не вернуться, или хуже того, вернуться покалеченным.

— Да по мне хоть к чёрту в пекло, — сказал я. — Товарищ майор, внесите в список. По гроб жизни благодарен буду.

После той истории прошло больше тридцати лет. Я выжил на ангольской войне, подписал контракт с «конторой» и много лет воевал в разных частях света, под разными именами и за разные флаги. Мне повезло, серьёзных ранений у меня нет. Не так давно я вышел на пенсию и поселился в ближайшем Подмосковье. Теперь у меня уйма свободного времени и неплохое финансовое состояние.

От безделья я лазаю по социальным сетям. Я нашёл всех старых знакомых. Нашёл и Катю Пеняз. Она сохранила девичью фамилию, очень хорошо выглядит для пятидесяти трёх лет, такая светская дама, руководит модельным агентством. У неё есть дочь Настя, девятнадцати лет, аппетитная конфетка, тоже тусуется в фейсбуке. Не знаю, каков из себя папа, но внешне Настя интереснее, чем мама в её возрасте.

Я долго рассматривал фотографию, где мама и дочка сняты вместе на фоне фонтана Треви, и послал Насте Пеняз запрос на дружбу. Сегодня утром получил положительный ответ. Сейчас я придумываю благовидный предлог, чтобы встретиться с Настей. Мне крайне любопытно выяснить, как далеко яблочко падает от яблоньки. Вот интересно, внучка также славно ебётся в жопу, как и её мама и бабушка?..